

УДК 141

«КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМА» М. ФУКО И ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

С.А. Гашков

ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет
«Военмех» им. Д.Ф.Устинова», г. Санкт-Петербург

Понятие «эпистемы» в археологическом проекте Фуко является предметом частых ссылок, однако недостаточно анализируется. Целью нашей статьи является попытка раскрыть эвристический потенциал «классической эпистемы» в «Словах и вещах» М. Фуко с помощью классических текстов философов XVII в. Фуко удалось раскрыть в «классической эпохе» не столько источник «ментализма» (Патнем) или источник «универсальной семантики» (Вежбицкая), сколько особенное отношение языка к мышлению, которое и позволяет ему говорить о «классической эпистеме». Вместе с тем, мы приходим к выводу, что постановка фундаментальных философских проблем языка и значения, произошедшая в XVII в., Фуко рассматривается не в полном объёме.

Ключевые слова: *«классическая эпистема» М. Фуко, философия языка, проблема значения, Патнем, история философии.*

1. Эпистема и вопрос о языке. Фуко-Патнем

Изначальный вопрос, который мы себе ставим, есть вопрос определения статуса языка в классической эпистеме в «Словах и вещах» Фуко с точки зрения вопроса о языковом значении как таковом. Вопрос о философии языка есть вопрос о том, когда и как начинается вопрошание о сущности языка и языкового значения самих по себе. Для Фуко «классической» эпохой является XVII в., когда вопрос о языке ещё неотличим от вопроса о мышлении и оперировании знаками, но, тем не менее, лингвистика и семантика как науки получают условия своей возможности.

Задачей нашей работы является раскрытие эвристического потенциала понятия «классической эпистемы» в книге «Слова и вещи» М. Фуко через привлечение и углублённое изучение вопросов философии языка и семантики у известнейших европейских философов XVII в.: Кондильяка, Лейбница, Арно... Кроме того, мы должны иметь в виду, что интерес к классической философии языка не угасал в XX в., и мы напомним некоторые существенные моменты, связанные с философией Х. Патнема.

Итак, наша работа посвящена классической эпистеме Фуко. В плане разработанности данной проблематики мы хотели бы обратить внимание на работу М. Казинса и А. Хьюссена «Мишель Фуко», в которой авторы обращают внимание не только на то, что классическая эпистема обладает в археологическом проекте Фуко особенной значимостью, но и на то, что ядром классической эпистемы является проблема языка в «Грамматике Пор-Рояля». «Ось, вокруг которой организованы “Слова и вещи” – это интерпретация Грамматики Пор-Рояля» [12, р. 16]. Ю. Дрейфус и П. Рабиноу подчёркивали, что для

«классической эпохи» Фуко «эмблематической» является фигура Декарта, а ключевыми словами являются «сравнение» и «порядок» [10, с. 39].

В «Предисловии» к английскому изданию Фуко определял свою археологию как историю систем неформального знания. Наша задача: это отнюдь не «проверить» «неформальное» знание – «формальным»: историко-философским и лингвистическим. «Исследование Фуко будет центрировано на трёх “эмпиричностях”: жизни, труде и языке, или, точнее, человеку как живущим, производящим и говорящим животным, или о человеке в его биологическом, социально-экономическом и культурном измерении» [11, с. 39]. Таким образом, наш замысел касается изучения отношения отдельно взятой «эмпиричности» – языка, в отдельно взятую эпоху – «классическую», которую мы будем рассматривать как «классическую эпоху» философии языка.

Х. Патнем видит в «классической эпохе» преимущественно начало «психофизиологизма» и «ментализма». Патнем понимает, что традиционное понятие «значения» должно быть дополнено. Обычно под семантикой (значением) понимают ту информацию, которую человек, понимающий язык, черпает не из синтаксиса. Раскрытие универсальных характеристик языка в генеративной грамматике оставляет нерешённым вопрос: идёт ли речь о характеристиках самого языка? При этом именно семантика слов остаётся добычей мифов, идущих из психофизиологической философии «классического века». Патнем пытается показать, что теория о том, что знание значения есть некое психологическое состояние – ложная по сути [7, с. 169].

Начиная с классической эпохи, знание значения предполагает некое состояние, когда некий субъект А и некий субъект Б понимают (знают) значение слова (экстенционал). Патнем берётся опровергнуть этот тезис: допустим, что у субъекта А есть экстенционал Х, а у субъекта Б – экстенционал Х₁. А и Б психологически переживают Х как Х (или Х₁), но это не означает, что речь идёт об одном интенционале. Ведь, скажем, многие понимают, что «вяз» и «бук» – имеют разные значения, но нельзя сказать, что эти значения «у нас в голове», так как не все люди способны легко опознать эти деревья [7, с. 179]. Патнем выдвигает «социолингвистическую гипотезу»: должно существовать «лингвистическое разделение труда». Чтобы понимать, что такое золото, не нужно быть специалистом по анализу металлов: но, чтобы получить его значение, необходимы знания всего лингвистического сообщества [7, с. 184] Причём, добавим, значение находится в состоянии постоянной изменчивости: значение золота в Античности не совсем то, что теперь, вода, до открытия формулы H₂O не то, что теперь...

Итак, мы можем сделать следующий предварительный вывод: язык и значение характеризуются постоянной изменчивостью не только в пространстве, но и во времени. Труд мыслителей «классической эпохи» ассоциируется с периодом формирования «статических», синхронических представлений о языке и значении. От собственно языковой проблематики они с трудом отличают более широкие философские, логические и метафизические вопросы. Фуко, в свою очередь, занят только «динамическим», диахроническим анализом, более внимательным к изменениям, чем к семантике философских споров и проблем.

Какая эпоха лингвистического знания может быть признана классической, коль скоро мы находимся в рамках той философии языка, которая проблематизирует общие (родовые) понятия?

Известно, что современная семантика рассматривает в качестве своего предмета значение в широком и узком смысле слова. Семантика в узком смысле слова отвлекается от объективного содержания предложения, принимая за правило то, что значение предложения равняется сумме его компонентов. Семантика в широком смысле слова ставит вопрос об отношении значения слова к действительности, и этот смысл представляет для нас наибольший интерес.

Основной вопрос, который ставит себе философия языка: что такое язык как таковой? Язык имеет как коммуникативную, так и концептуальную функцию. Всё знание, которым мы располагаем, невозможно помыслить вне языка, поскольку язык через значение представляет нам внеязыковую реальность. Кроме того, язык представляет нам не только воспринимаемый чувствами мир, но и мир интеллектуальный: мир понятий, представлений.

Если мы, таким образом, поставим себе задачу понять, каковы основные этапы становления современного представления о языке и о значении, то мы можем говорить, например, о диалоге «Кратил» Платона, о трактате «Об истолковании» Аристотеля, о теории языка в стоицизме, о средневековых теориях языка и значения (Августине, Боэции, Иоанне Солсберийском, реалистах и номиналистах, модистах, концептуалистах), о классическом периоде (Арно, Николь, Декарт, Локк, Лейбниц, Кондильяк, идеологи и т. д.), о сравнительно-историческом языкознании, о гумбольдтианстве и структурализме Соссюра. Как мы видим из предыдущего краткого обзора, именно классическая эпоха видится поворотной в формировании современного представления о языке и значении.

2. Классические концепции языка и значения

Классическая эпоха характеризуется интересом к «психофизической проблеме», т. е. проблеме происхождения знаний в человеческой душе. Предложенные в это время решения наложили свой несомненный отпечаток на все дальнейшие попытки поставить и разрешить проблему познания. Кажется естественным, что всё наше знание может быть представлено как система знаков, более или менее произвольных, и, что, исходя из элементарных знаков, мы можем прийти к всё более сложным системам. При этом трудность возникает при отнесении знака к значению, ставится вопрос о философских первоначалах, позволяющих представлять себе порядок знаков. Порядок представлений выражается мыслящей субстанцией как язык. Язык – это посредник между бытием и знаком. Основной наукой мыслители классической эпохи (Декарт, Кондильяк, Лейбниц) считали метафизику, первую философию, которую также можно рассматривать как естественную теологию (в отличие от теологии откровения). Поэтому бытие мыслится не просто как абстрактная «материя», а как порядок совершенств, самым совершенным бытием является божественное. Поэтому следует мыслить систему развития знания как постоянное совершенствование, прогресс благоприобретённых знаний, образующих всё более сложную конструктивную систему знаков. Таким образом, мы можем сделать следующий предварительный вывод: классическая эпоха в целом характеризуется формированием представления, т. е. конструктивного образа мира, слагающегося из изначально произвольных знаков, методически (от простого к сложному) приводимых в цельную систему.

Постараемся напомнить основные сюжетные ходы и теоретические воззрения, изложенные в основополагающих трактатах эпохи, касающиеся философии языка.

Родоначальником философии Нового времени по праву считают Рене Декарта. Декарт различил между мыслящей и протяжённой субстанциями, предложил ясность и отчётливость в качестве критериев истины, провёл доказательство бытия Бога путём метафизического сомнения, разработал основы научного метода и систематизации знаний. Философии языка как таковой у Декарта не было. Универсальным языком науки становится математика.

А. Арно и К. Лансло в 1660 г. издадут небольшое сочинение «Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и соответствующим образом, толкование общего в языках и главные различия между ними», известная как Грамматика Пор-Рояля. Вместе с «Логикой Пор-Рояля» (1662) грамматика составляет единую логико-грамматическую концепцию [1, с. 10]. В основании грамматики – опыт написания грамматик для практического преподавания живых языков (французского, итальянского, испанского, немецкого, фламандского) и сходство явлений в живых (вульгарных) языках и языках классических (древнееврейский, древнегреческий и латинский).

Первая часть рассматривает сходства языковых явлений, имеющиеся на уровне написания букв и использования знаков письма, тема, в наше время вышедшая за пределы собственно грамматики. Понимание значения букв, звуков, и слогов необходимо при выработке практических навыков чтения, – универсальная грамматика не носит ни чисто теоретического, ни чисто практического характера, она основывается на фактическом сходстве фундаментальных явлений всей языковой действительности. Мы должны рассмотреть только два момента из этой универсальной грамматики: статус существительных и объяснение «глубинных семантических структур».

Как «Универсальная грамматика» объясняет общие имена? Авторы «Грамматики» совершенно справедливо разделяют в языке объект и форму мысли. На этом основании они проводят различие между двумя типами языковых знаков, к первому, в частности, принадлежат существительные, а ко второму – глаголы. Это разделение оправдывается и в современности: во всех языках исследователи находят это различие. Сложнее отделить существительные от прилагательных: например, в латыни (как и в русском) легко образовывать производные «акцидентальные» формы согласованного определения *agneus, bovinus, vitulinus*, но во французском (или в древнееврейском) для этой цели можно употребить только несогласованное определение: *d'or, de boeuf, de veau*. Субстантивированные прилагательные (белизна) не имеют такого ясного объекта как существительные. Атрибуты как (философ, живописец) в речи употребляются как существительные. Проблема нарицательных (апеллятивных) и собственных имён решается «Грамматикой» через различение общих (человек, лев, собака, лошадь) и единичных (Сократ, Париж) идей [1, с. 99]

Особую роль Арно и Лансло уделяют семантике: семантика частей речи тесно связана с выбором синтаксической конструкции. Знаменитая 10-я глава обосновывает употребление определённого или неопределённого артикля во французском языке перед относительным предложением, в зависимости от определённости или неопределённости значения, содержащегося в последнем. На современном этапе развития семантики такое построение моделей

связи семантической и синтаксической структуры предложения является весьма распространённым. Говоря о глаголах, авторы «Грамматики» также находят недостаточными формальные, синтаксические определения глагола. Семантическое определение глагола исходит из того, что глагол представляет собой всегда утверждение: иначе Сократ живёт и Сократ – живущий означало бы одно и то же.

Наконец, интересно отметить, что уже в «Логике Пор-Рояля» Арно и Николь обращают внимание на двойственность знака, состоящего из обозначаемого и обозначающего, что подразумевает собой автономное существование знака, даже если вещь, на которую он указывает, уже отсутствует. Радуга является знаком, который Бог выбрал, чтобы указать, что Он больше не истребит людей потопом. И хотя потопа больше нет, знак завета все продолжают воспринимать, пишут авторы [2, с. 48].

Для того, чтобы избежать неопределённости слов, авторы говорят, что лучшим способом было бы введение того, что в современной семантике принято называть «метаязыком», но этот способ мог бы оказаться слишком громоздким. Они предлагают использовать *definitio nominis* (определение имени), так как часто используют *definitio rei* (определение вещи). Разница в том, что, если мы даём определение вещи, мы понимаем её в обычном смысле слова, т. е. со всеми значениями и коннотациями, которые этот концепт несёт. А если мы определяем значение слова, то мы устраняем неясность имён, и избегаем того, что называют «спором о словах». Но если все слова нужно определить через другие слова, утверждают авторы, то мы, с необходимостью придём к тому, что есть, как бы мы сказали, «семантические примитивы», т. е. те слова, которые «не подлежат определению» [2, с. 87].

Дж. Локк был известен тем, что доказывал, что идеи происходят либо из опыта, либо из рефлексии – этот «ментализм» и лёг в основу современного «психофизиологизма». Локк отрицал наличие врождённых идей, различал «первичные» и «вторичные» качества, утверждал, что сложные идеи образуются из простых. Только на основании тождества сознания себя как «я» человек может рассматривать себя как личность [6, с. 387]. В этом смысле, критикуя «ментализм», единую сущность человека и его сознания, Фуко или Патнем ставят вопрос о той дискурсии, которая предшествует определению слов и вещей как продуктов сознания мыслящего человеческого «я». Так, по Фуко, человек является в первую очередь говорящим, производящим и живущим, и уже во вторую, сознательным.

Другой важный момент состоит в том, что Локк может рассматриваться как основатель теории знаков – семиотики. Сами по себе идеи – не истинные и не ложные, они становятся такими только благодаря знакам. Знаки – произвольны и используются для обозначения многих вещей. Фуко отмечает, приводя затем цитату из Локка: «в любом случае смысл слов принадлежит только представлению каждого индивида, и, сколько бы он ни принимался всеми, он не имеет другого существования, кроме как в мышлении индивидов, взятых поодиночке: “Слова являются знаками идей говорящего, – говорит Локк, – и никто не может применять их непосредственно как знаки для чего-то другого, чем идеи, которые он сам имеет в уме”» [8, с. 115].

Лейбниц в «Новых опытах о человеческом разумении» возвращается к спору о происхождении слов и их значений (*φωσει* или *θεσει*) платоновского

диалога «Кратил». Здесь действуют персонажи Филалет и Теофил, за которыми принято угадывать спор Локка и Лейбница. Поскольку оба персонажа выходят, всё же, из-под пера Лейбница, мы не будем делать акцент на их разногласиях, обозначив общее, что касается философии языка. Для нас важна идея Лейбница о том, что как все языки не могут быть подчинены единой дедуктивной или индуктивной схеме, так и значения не могут быть однозначно выведены из нарицательных имён.

Отмечается, что принято считать отношение значения и слова случайным. Далее он рисует убедительную картину сходства и происхождения групп европейских и азиатских языков, справедливо отмечая, что между такими разными языковыми семьями как тюркская, индоевропейская и семитская можно обнаружить множество параллелей и связей. Эта идея кажется несколько необычной и даже наивной современному лингвисту, привыкшему к историко-генетическому классифицирующему подходу к языку, но вполне можно доверять энциклопедическому уму Лейбница, предполагавшего существование «адамического» или «естественного» праязыка. Однако существует достаточно аргументов, чтобы считать, что происхождение слов связано с вещами, как и у Платона, имя устанавливается по природе вещи, достаточно сравнить значения, придаваемые звукам в разных языках. Помимо материальной стороны у слов есть ещё и формальная: слова относятся к модусам и субстанциям, обозначают чувства и сами вещи, а также предметом речи могут быть сами слова [5, с. 288]. Все эти рассуждения для нас будут крайне интересны в связи с Фуко.

Также Лейбниц показывает, что, говоря об общих именах, ставится вопрос: если считать все общие имена следствием обобщений, а сущности – абстракциями, то можно забыть о том, что «сущность состоит в сходстве единичных вещей между собой, а сходство это есть реальность» [там же]. Сущности, роды и виды должны существовать независимо от того, что люди думают о тех или иных свойствах тех или иных вещей. Здесь имеет место спор о сущности золота, который нам будет интересен в связи с Патнемом. Филалет говорит о том, что реальные свойства золота, которые делают его золотом, нам не известны. Здесь следует сделать ремарку, что современная наука сумела это показать, но достаточно ли? На основании воспринимаемых качеств, люди делают вывод, что речь идёт о золоте. Теофил, со своей стороны считает, что «реальное определение показывает возможность определяемого, чего не даёт номинальное определение». То есть, чтобы «познать» сущность, мы должны так или иначе её испытать. С субстанциальными сущностями иметь дело сложнее, но мы также можем иметь глубокие познания, например, о душе.

Есть сущности, у которых есть чувственный образ («лошадь»), а есть те, у которых его нет («справедливость»). Однако Лейбниц снимает это различие. Сущности Лейбниц определяет как «возможности применительно к сходству вещей» [5, с. 328]. Цель языка и назначение слов состоят в том, чтобы «кратко выражать наши мысли» [там же]. Однако Лейбниц отрицает представление о виде как о совокупности внешних признаков. Например, представление о собаке нельзя вывести на основании внешнего вида спаниели, дога и болонки. Различия в названиях так же, как кажется, заставляют нас различать между вещами. Так для механических часов во французском языке имеются два слова: *montre* и *horloge*. Различие или сходство каких признаков образует видовое отличие? Окончательное объяснение можно дать, согласно Лейбницу,

только перейдя на уровень различия первоначальных и искусственных энтелехий, науки о духе и опытных наук.

Кондильяк считал, что необходимо идти дальше «Универсальной грамматики». Грамматика представляет собой некую логику, а наука о языке является, так сказать, естественной метафизикой. В «Опыте о происхождении человеческих знаний» (1746), Кондильяк, говоря о первой паре людей, ставит себе вопрос: «каким образом этот нарождающийся народ создал себе язык?» Знаки возникли из повседневной практики. Пользование знаками требовало всё большего усложнения и увеличения числа знаков [4, с. 185].

Связь идей с произвольными знаками определяется по Кондильяку привычкой. Язык жестов не менее удобный, чем язык звуков. Первоначально говорение древних часто сопровождалось использованием музыкальных инструментов. Декламация древних была настоящим пением, отмечает Кондильяк. Кондильяк считает, что для нас отличие музыки от говорения является столь же привычным, сколь для древних их совпадение: только путём долгих опытов человечество пришло к выделению музыки, пения и декламации в разные области.

На основании языка жестов, путём прогрессивного совершенствования системы знаков, возникают танец, интонация, декламация, музыка и поэзия [4, с. 244]. Что касается происхождения слов, Кондильяк исходит из представления, что изначально были слова только для чувственно воспринимаемых вещей: дерево, плод, вода. Первые глаголы были придуманы для обозначения состояний души: действий или претерпеваний. Первый порядок слов, поэтому, был не «Пьер хочет плод», а «плод хотеть Пьер», т. к. глагол возник после прямого дополнения. «Когда слова стали самыми естественными знаками наших идей, исчезла необходимость располагать их в порядке, столь противоположном тому, в котором мы располагаем их теперь» [4, с. 232].

Самый интересный для нас вопрос здесь: это вопрос о происхождении общих имён. Каким искусством обладал, согласно Кондильяку, человек, чтобы выработать абстрактные термины, понятные для других людей? В этом смысле, Кондильяк находится, в принципе, в согласии с Локком, считая, что абстрактные представления «подсказаны» самой природой. Но мнение Локка о том, что все знания происходят из чувств, невозможно признать за верное. Все термины, обозначающие духовные вещи происходят от чувственно воспринимаемых вещей, но это не значит, что эти знаки суть «естественные названия духовных вещей». Открывая нам духовные вещи, язык скрывает их от нас. Отношение языка и вещи по Кондильяку – проблематичное.

Значение слов, обозначающих архетипы, заключает Кондильяк, «ещё более неопределённо, чем значение слов, обозначающих субстанции» [4, с. 228]. Поэтому Кондильяк призывает к осторожности в употреблении общих слов, указывая на то, что они могут лишь обозначать классы, «по которым мы распределяем наши идеи». Таким образом, речь идёт о методическом подходе к языку: необходимо «добраться до источника идей, чтобы знать их происхождение» и обнаруживать систематические отношения между идеями.

3. Язык и классическая эпистема по Фуко

Идеи языка классической эпохи могут показаться наивными и, в то же время, они ставят вопросы, на которые современность не может найти и не

ищет ответы. Был ли естественный праязык? Чем иначе объяснить сходство неродственных языков? На основании каких признаков мы можем говорить о терме? Как произошёл человеческий язык? Чем объяснить музыкальное ударение в латыни и древнегреческом, как не связью речи и музыки? Можно сказать, что современность не ищет ответов на эти вопросы, не считая их первоочередными, тогда как для классической эпохи эти вопросы формировали «горизонт» научного знания. Эти вопросы, от рассмотрения которых открещивается позитивная наука, не могут быть выведены из состава философского знания. Было бы слишком просто апеллировать к умозрительным аргументам, вроде наследия теологии и неразвитости научного духа. На этом основании строится концепция «эпистемы» Мишеля Фуко.

Фуко отмечает, что «для языка в классическую эпоху характерно одновременно господствующее и незаметное положение» [8, с. 111]. Он полагает, что в классическую эпоху всё даётся через представление, игру представлений. Язык так близок к мысли, что «это не внешнее проявление мысли – это сама мысль». Классического языка не существует, пишет Фуко, «но он функционирует». Язык существует в том «пространстве, которое представление может приводить в порядок». Таким образом, Фуко старается показать, как на уровне языка на место комментария приходит критика. Критика принимает формы анализа слов, фигур, тропов и отношения языка к тому, что он представляет. Толкование религиозных текстов, отмечает Фуко, с XVII в. приняло форму определения того, «посредством каких фигур и образов, следуя какому порядку... какой истине такая-то речь была произнесена Богом или пророками в той форме, в какой она была нам передана» [8, с. 114].

Принцип критики несовместим с комментарием: комментарий «фетишизирует» текст, тогда как критика, как мы это находим до сих пор в научной литературе, «соперничает» с автором. Таким образом, Фуко рассматривает классическую эпоху вопрошая: как такое выражение мысли сделалось возможным? Очевидно, современность переживает кризис такого подхода: универсальная научная критика, по типу марксистской, оказывается невозможной. Дело не в идеологии, а в универсализме: почему, например, спор Лейбница и Локка должен решать «только» Маркс? На место критике приходят техники понимания, чем-то близкие тому же комментарию.

Именно в этом ключе мы можем рассматривать интерпретацию Фуко «Универсальной (всеобщей) грамматики». Фуко формулирует вопрос: «какая черта отличает язык среди всех других систем знаков?» [8, с. 115]. Этот вопрос он адресует одновременно Гоббсу, Локку, Кондильяку и Дестю де Траси. Язык, утверждает Фуко, противостоит как мышлению, так и другим знакам, «как последовательное – одновременному». Фуко не считает «Универсальную грамматику» ни развитием логики, ни предвосхищением лингвистики. «Всеобщая грамматика – это изучение словесного порядка в его отношении к одновременности, которую она должна представлять» [8, с. 116]. Язык становится дискурсивной, различие между языками – не столько различие слов, сколько порядка слов.

Из «Граматики Пор-Рояля» Фуко берёт идею порядка, последовательности языка и мышления, которую считает определяющей для классики, в том смысле, в котором «грамматику» и «логику» относят к одному рациональному проекту. Язык двойственен: это и представление, проанализированное в

словах, и первоначальное состояние рефлексии. Язык, согласно Фуко, является «конкретной связью представления с рефлексией». Грамматика Пор-Рояля становится, по утверждению Фуко, в течение XVIII в. и формой науки и первым рациональным анализом мышления. Согласно Фуко, цель Всеобщей грамматики – не восстановление «адамического» праязыка, а создание языка, который, совмещая Характеристику и Комбинаторику (понятия того же Лейбница), стал бы Текстом, хранящим в себе ключ к любому знанию, охватывал бы все порядки в их возможности. Не является ли такая интерпретация ближе к хайдеггеровской идее «картины мира», обобщающей рассуждения достаточно различных мыслителей и сопоставляющих их с некоторыми современными проблемами?¹

Классическая эпоха, согласно Фуко, приписывает языку способность «давать знаки, адекватные всем представлениям, какими бы они ни были, и устанавливать между ними адекватные связи». Он настаивает на тесной связи познания и языка: науки для него – это хорошо организованные языки. Язык есть некая познавательная функция и средство выражения этой функции *sub specie universalitatis*: «дело в том, что если бытие языка всецело сводилось к его функционированию в представлении, то последнее соотносилось с универсальностью лишь через посредство языка». Смысл бытия знаний – стать языком, а смысл бытия языка – стать знанием. Язык даёт знанию знаки и последовательность, но сам по себе язык – не универсален, язык и знание замкнуты друг на друга, что представляет собой своеобразное прочтение понятия «гармонии», также развиваемого Лейбницем. Но в том же смысле о языковой гармонии писал и Кондильяк: Фуко усматривает здесь важнейший элемент порядка, а не типологии. Мы помним, что Кондильяк строил генеалогию языков, исходя, в том числе, из идеи порядка слов: языки со свободным порядком появились раньше языков со строгим порядком. Фуко же приводит ряд менее известных авторов XVII в., которые могли быть известны тому же Кондильяку: Гишар, Леблан, аббат Жирар, Бозе, аббат Баттё... Говорить о Лейбнице он избегает, а из Локка приводит одну цитату.

История языка в классическую эпоху, согласно Фуко – набор случайностей. Во всяком случае, языки не несут в себе историчности, переселения народов. Их содержание определяют моды и заимствования. Об этом пишут те же Лейбниц и Кондильяк, которые, конечно, не думали про историчность. Фуко подчёркивает эту разницу с последующим сопоставительным подходом: говоря не о языках как таковых, а о структуре, возможной для каждого языка. И в отличие от генеративных моделей языка обсуждается не грамматические возможности любого естественного языка, а возможность языка знания, языка мысли. Но речь также идёт не о «семантических примитивах» Вежбицкой. «Теоретическая семантика, – пишет А. Вежбицкая, – должна довести минимизацию (*reduction*) до конца, до тех пор, пока она не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, которые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению» [3, с. 226]. Смысл исследований Вежбицкой, которая считала себя продолжателем Лейбница, составлял создание языка семантических примитивов для всех языков. Однако Фуко показывает иное: для классической эпохи каждый язык интересен лишь постольку, по-

¹ Хайдеггер пишет о «картине мира» в работе «Время картины мира» [9, с. 43].

сколько в нём мысль сочетается с самой собой. Для классической эпохи языки мысли – это древнееврейский, древнегреческий, латинский и новоевропейские языки. Последнее отчётливо видно в «Грамматике Пор-Рояля»: эти языки сходны между собой не потому, что так исторически сложилось, сама по себе история для классики есть набор случайностей. Но в этих языках есть система правил, рациональный смысл, за которым стоит глубинная семантика. В нашем случае: спонтанная взаимосвязь семантики и синтаксиса – лучшее доказательство того, что данный отдельный язык обладает всеобщими характеристиками. Систему таких спонтанных характерных черт Фуко называет таксономией.

Таким образом, говоря о классической эпистеме, Фуко, как нам кажется, говорит то о языке, то о методах языкознания, то о теории познания вообще. И это верно, так как и история философии данной эпохи отличается энциклопедической пестротой с преобладанием гносеологической проблематики. Нас в этом смысле особенно привлекает теория субстанций (существительных), но Фуко уделяет целый параграф теории глагола (модуса). Авторы, которых цитирует Фуко, в частности Адам Смит, считали, что изначально язык и состоял из безличных глаголов. В принципе, вряд ли так считал тот же Кондильяк. Все глаголы можно свести к свойству «быть», полагает Фуко, что тоже не совсем точно. Почему же Фуко рассуждает о глаголе? Нам думается, потому, что грамматисты Пор-Рояля видели в глаголе аффирматив, утвердительное суждение. Глагол не утверждает, что вещь просто есть, а то, что она есть одновременно с другими вещами во времени: прошлом, настоящем или будущем. Таким образом, Фуко завершает цикл представления: представление имеет грамматическую форму, но это не существительное, не образ, как мы привыкли думать, а глагол, не картина мира, а время картины мира.

«Выявить происхождение языка, – продолжает Фуко, – значит обнаружить тот первоначальный момент, когда язык был чистым обозначением» [8, с. 138]. Очевидна аллюзия на Кондильяка: слово производит тело, это слово – «речевое действие», связанное с генезисом самого человека. Фуко обозначает сходство в рассуждениях Кондильяка, Руссо, Дебресса, аббата Копино, но также и у не упоминаемого им Лейбница в том, что человек не изобретает язык, а как бы принимает его из вещей. Противостоящий этой генетической концепции локковский эмпиризм, в котором видят прообраз всего психофизиологизма, он здесь не анализирует. Зато в качестве аргумента Фуко приводит, в частности, этимологии, которые философы, однако, всерьёз не воспринимали.

Нам представляется, что анализ языкознания XVII в. у Фуко – уникален, но излишне заточен на аисторизм представления – в этом смысле семантическая проблематика уступает место семиотически-синтаксическому «четырехугольнику языка»: предложение, расчленение, обозначение, деривация. Тем самым Фуко следует пресловутому структурализму – «эпистема» есть скорее «структура» знания, чем его «значение». «Научность» в понимании Фуко остаётся связанной с блумфильдовским отстранением семантики. Для нас остаётся непонятным: 1) как значение соотносится с мышлением; 2) как значение соотносится с бытием; 3) как язык, наконец, соотносится со значением. При анализе текстов самих мыслителей очевидно, что ими были поставлены «трудные» вопросы, которые у Фуко затемнены обращениями к второстепенным или просто малоизвестным авторам, значение которых задаётся самой их маргинальностью. То есть мы можем предположить, что малоизвестные

авторы, цитируемые Фуко, значили гораздо больше, если бы сам контекст текста Фуко не помещал бы их на «обочину» какого-то большого тракта, проложенного поперёк пусть и исхоженных, но вполне пригодных дорог.

Заключение. Выводы.

Археологический проект Фуко часто фигурирует в исследовательской литературе. При этом нам представляется, что простой ссылки на авторитет автора – не достаточно. Необходима тщательная и добросовестная разработка каждого из затронутых Фуко сюжетов, в углублённой сравнительной междисциплинарной и не только сравнительной, но фундаментально-проблематической философской перспективе. В этом плане нас интересует не археологический проект сам по себе, а его философская значимость и применимость.

В ходе нашего компаративного анализа мы вычленили ключевые моменты философско-языковой и семантической проблематики, присущие как мыслителям классической эпохи, так и «археологии». Мы увидели, что в вопросе о сущности языка и значения всегда больше вопросов, чем ответов. Необходимо отметить, что философско-языковая и семантическая проблематика, заданная мыслителями классической эпохи является камнем преткновения и в наши дни. Фуко пытается по-своему разгадать «загадку старых мастеров».

Список литературы

1. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / пер. с фр.: Ю.С. Маслов, Е.Д. Панфилов, М.В. Гордина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 128 с.
2. Арно А., Николь П. Логика Пор-Рояля. Логика или искусство мыслить. М.: «Наука», 1991. 414 с.
3. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1993. С. 225–252.
4. Кондильяк Э.Б. Сочинения: в 2 т. / пер. с фр.; общ. ред. и примеч. В.М. Богуславского. Т. 1. М.: Мысль, 1980. 334 с.
5. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т.2. 686 с.
6. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: «Мысль», 1985. Т. 1. 621 с.
7. Патнем Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем.; комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 41–63.
10. Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault. Un parcours philosophique. Paris : Gallimard, 1984. 314 p.
11. Merquior J. Foucault ou le nihilisme de la chaire. Paris : PUF, 1986.
12. Cousins M., Hussein A. Michel Foucault. London: McMillan, 1984. 278 p.

M. FOUCAULT'S "CLASSICAL EPISTEME" AND PHILOSOPHY OF LANGUAGE QUESTIONS

S.A. Gashkov

Baltic State Technical University «VOENMEKH» named after D.F. Ustinov

Scholars often use Foucault's «The Order of things» as an academic reference, but just a reference is never sufficient to understand the possible application of his main «archeological» work to questions of philosophy of language and semantics. The aim of this paper is to read some classical texts of the XVII-th century philosophers in order to make a comparison between the image of the classical age offered by Foucault («classical episteme») and the foundations of language and semantics philosophy. On one hand, Foucault creates a new concept of episteme for underlining the specific relation between language and thought that characterizes the XVII-th century. On the other hand, Foucault does not represent the complex philosophical debates between philosophers of the «classical ages» that gave origins to the now existing problematic area of philosophy of language and semantics.

Keywords: *«classical episteme» of Foucault, philosophy of language, the problem of meaning, Coseriu, Putman, history of philosophy.*

Об авторе:

ГАШКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доктор философии (Франция), доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, г. С.-Петербург. E-mail: sgachkov@hotmail.com.

Author information:

GASHKOV Sergey Aleksandrovich – Ph.D., Ph.D. in Philosophy (France), Associated Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics of Baltic State Technical University «Voenmekh» D. F. Ustinov, St-Petersburg. E-mail: sgachkov@hotmail.com.